

Научная статья

УДК 398, 1.571, 161.3, 784.4
DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-224-240

**Субрегиональные календарные традиции
белорусов-переселенцев: стабильные, мобильные
и уникальные компоненты**

Татьяна Владимировна Дайнеко

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
tan-dai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9801-3007>

Аннотация

Рассматриваются обрядовые и песенные составляющие субрегиональных календарных традиций белорусов-переселенцев Омской и Новосибирской областей, Красноярского и Приморского краев (записи песен и описаний обрядов 1970–2010-х гг.). Установлено, что субрегиональные традиции белорусов-переселенцев отличаются друг от друга по составу календарных обрядов, наличию либо отсутствию в них песенного компонента и количеству песенных образцов. Автор приходит к выводу, что годовой календарный цикл белорусов-переселенцев включает стабильные и мобильные фольклорно-этнографические комплексы. Стабильные развиты во всех изучаемых субрегиональных традициях, в них соотношение «обряд – песенные жанры» равновесно. Мобильные же могут наличествовать / отсутствовать в разных субрегиональных традициях либо иметь разный вес в их обрядово-жанровых системах, соотношение обрядов и песен в таких комплексах, как правило, неравнозначно. Кроме того, существует небольшое количество уникальных компонентов, выделяющих какую-либо традицию из ряда других.

© Дайнеко Т. В., 2022

ISSN 2307-1737
Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 224–240
Critique and Semiotics, 2022, no. 2, pp. 224–240

Ключевые слова

традиционная культура Сибири и Дальнего Востока, календарный фольклор белорусов-переселенцев, фольклорно-этнографические комплексы годового круга, календарные песни

Для цитирования

Дайнеко Т. В. Субрегиональные календарные традиции белорусов-переселенцев: стабильные, мобильные и уникальные компоненты // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 224–240. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-224-240

Subregional Calendar Traditions of Belarusian Settlers: Stable, Mobile and Unique Components

Tatyana V. Dayneko

Institute of Philology of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
tan-dai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9801-3007>

Abstract

The article deals with the ritual and song components of the subregional calendar traditions of Belarusian settlers from the Omsk and Novosibirsk regions, Krasnoyarsk and Primorsky territories (records of songs and descriptions of rituals of the 1970s–2010s). It has been established that the subregional traditions of Belarusian settlers differ from each other in the composition of calendar rituals, the presence or absence of a song component in them and the number of song samples.

The author comes to the conclusion that the annual calendar cycle of Belarusian migrants includes stable and mobile folklore and ethnographic complexes. Stable ones are developed in all the studied subregional traditions, in them the ratio of “rite-song genres” is balanced. Mobile ones may be present / absent in different sub-regional traditions or have different weight in their ritual-genre systems, the ratio of rituals and songs in such complexes is, as a rule, unequal. In addition, there are a small number of unique elements that distinguish any tradition from a number of others.

The most stable is the winter festive folklore-ethnographic complex. It is present in all sub-regional traditions in sufficient completeness and safety. Only the Omsk sub-region has a striking difference, where there is also a unique – the Christmas ritual game “Tereshka’s marriage”. The second stable component is the stubble ritual-labor complex with song genres related to it, including ritual ones and those dedicated to the season. The features of mobile folklore-ethnographic complexes are considered. The unique features of each subregional tradition are revealed.

Keywords

traditional culture of Siberia and the Far East, calendar folklore of Belarusian settlers, folklore and ethnographic complexes of the annual cycle, calendar songs

For citation

Dayneko T. V. Subregional Calendar Traditions of Belarusian Settlers: Stable, Mobile and Unique Components. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 224–240. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-224-240

В статье изложены некоторые результаты изучения календарного фольклорно-этнографического комплекса белорусов-переселенцев, который более столетия функционирует в сибирско-дальневосточном регионе – вдали и в отрыве от естественной территории своего формирования. В фокусе внимания обрядовые и песенные составляющие субрегиональных календарных традиций белорусов-переселенцев. Регион исследования охватывает основные ареалы проживания белорусов в Сибири и на Дальнем Востоке: ряд районов Омской, Новосибирской (с включением Кемеровской) областей, Красноярского и Приморского (с включением Хабаровского) краев¹.

Материалом для анализа послужили опубликованные и неопубликованные (архивные) песенные материалы и описания обрядов, зафиксированные в 1970–2010-е гг. В качестве источников изучения привлечены печатные и рукописные издания, а также аудио-, видео- и фотоматериалы, содержащие образцы календарно-обрядового фольклора сибирских белорусов (подробнее об этом см.: [Дайнеко, Леонова, 2017]).

В ходе исследования использовались неопубликованные материалы фольклорных архивов Омского и Красноярского педагогических университетов (ОмГПУ и КГПУ, ранее – институтов), Государственного архива Новосибирской области (ГАО), Архива Сибирского культурного центра (СКЦ, Омск), материалы из личных архивов В. Ф. Похабова (Кемеровская

¹ Дальний Восток в данной работе представлен субрегиональной традицией Приморского края, поскольку именно на этой территории исследователями собрано достаточное количество этнографического и песенного материала, который опубликован [КШ, 2003]. Учтены и подвергнуты анализу немногочисленные этнографические описания календарных обрядов и песенные образцы, зафиксированные в Кемеровской области и Хабаровском крае; архивные материалы с этих территорий присоединены к коллекциям из Новосибирской области и Приморского края соответственно.

область, Красноярский край), С. А. Мясниковой (Омская область), а также экспедиционные записи автора. Копии большинства аудиоматериалов хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки (АТМ), в работе ссылки даны, как правило, на материалы АТМ ².

В результате проведенного исследования было установлено, что субрегиональные традиции белорусов Сибири и Дальнего Востока отличаются друг от друга по составу обрядов и наличию в них песенного компонента, а также по количеству зафиксированных образцов календарных песен.

В *Омской области* от белорусов-переселенцев записаны сведения об основных обрядовых составляющих всех сезонных циклов – зимнего, весеннего и летне-осеннего. В то же время белорусская традиция данного субрегиона, представленная в суммарной коллекции, имеет свои особенности. Обрядовые компоненты зимнего сезона представлены в полном объеме, присущем белорусской переселенческой традиции, то же касается и разнообразия песенных жанров (колядки, щедровки, песни-«посевания»). Обе содержащиеся в коллекции подблюдные песни, относящиеся к святочным гаданиям девушек, записаны в Омской области (Омск-3/45, 46). Только в этом субрегионе зафиксированы многочисленные этнографические описания именно белорусского фольклорного феномена – *обрядовой святочной игры «женидьба Терешки»*, а также сопровождающие ее песни (Арх. ОмГПУ, МАГ-17/1979, № 1; МАГ-1/1996, № 21, 22, 27, 28, 41, и др.) ³.

Масленичная обрядность развита [ФЗС, 1974, с. 30–31 и др.], в коллекции имеются несколько записанных здесь масленичных обрядовых песен (Омск-3/20, 21, 23, Омск-1/9, и др.). Записаны обряды и песни, связанные с заклинанием весны в ранневесенний период (Омск-РП/23, 24; Омск-2/57, и др.), пасхальные обряды и обычаи, а также волочебные песни [Мяснико-

² Ссылки на конкретные образцы календарных обрядовых песен белорусов-переселенцев даны сокращенно – в виде шифров (например, Нск-20/202 или Кр-ПК/77). В первой части шифра указан регион записи песни: Нск, Омск – Новосибирская, Омская области, Кр – Красноярский край, ДВ – Дальний Восток (Приморский край). Во второй части шифра даны источник записи песни (архивный материал или публикация) и номер образца или страницы. Для архивных записей указан номер описи в АТМ, например: 3 = АТМ, оп. 3. Публикации: см. список источников песенных образцов.

³ Полный список документов из Архива ОмГПУ, содержащих этнографические описания игры и тексты ее песен, см. в: [Мясникова, 2019].

ва, 2017; 2019] (Омск-3/68, Омск-РП/26, и др.). *Троицкая обрядность сохранилась лучше, чем соответствующий ей песенный компонент*, тем не менее записаны русальная песня и два троицких хоровода (например, Омск-РП/44). Рассматриваемую традицию отличает *развитый купальский фольклорно-этнографический цикл* – зафиксированы многочисленные описания обрядов и песенные образцы (Омск-РП/37–39, 43; Омск-3/57, 26, и др.) [Звягина, 1997]. Период позднего лета и осени отмечен в омской субрегиональной традиции как описаниями обрядовых практик, связанных с жатвой, так и песнями различной жанровой принадлежности (Омск-РП/51, 45, 46; Омск-1/53; Омск-3/15, 28, 16, и др.).

Записи обрядов и песен, сделанные в *Приморском крае* от потомков черниговских переселенцев, охватывают весь годовой календарный цикл и отличаются некоторыми характерными именно для дальневосточной традиции чертами. Зимний сезон представлен рождественскими, новогодними и крещенскими обрядами, обычаями и запретами, а также песенными обрядовыми жанрами, свойственными и другим переселенческим белорусским традициям [КШ, 2003, с. 7–11, 13–24]. Зафиксированы описания и песни «вождения козы» (ДВ-КШ/5–7). Вообще в дальневосточной традиции *обрядовое ряжение отличается развитостью и многообразием проявлений*. По сведениям собирателей, в нем представлены все разновидности масок, свойственные восточным славянам⁴. Масленичная обрядность отличается хорошей сохранностью: помимо основных, общих для всех субрегиональных традиций, компонентов в Приморье записаны сведения о «вязании колóдки» неженевшимся парням [Там же, с. 12].

Ряжение является частью и масленичной обрядности. В песенной коллекции имеются принадлежащие к дальневосточной традиции масленичные песни, в том числе гукáльная (ДВ-КШ/33–35). В описании праздничных гуляний содержатся сведения о сопровождающей их инструментальной музыке (скрипка, гармонь, бубен) [Там же, с. 11–12]. Ранневесенний период включает благовещенские обряды и соответствующие им пес-

⁴ В приморской традиции зафиксированы: переодевание в животных, чаще диких («медведя», «медведицу», «волка» и пр.), изображение социальных типажей, как правило, с «переменной» пола участников обрядовых действий (например, в «барыню» переодевался мужчина, а в «мужика» – женщина), ряжение в существ, не относящихся к миру людей (в «пугало» и т. д.), изображение с помощью одежды и грима живущих по соседству представителей других, не славянских национальностей – корейцев, китайцев («наряжались “у корэйскую... китайскую адёжу”») [КШ, 2003, с. 8–9].

ни, а также весенние заклички [КШ, 2003, с. 29] (ДВ-КШ/36–40 и др.). Поздневесенний период в дальневосточной традиции отличается развитой пасхально-радолицкой обрядностью [Там же, с. 29–33]. Важнейшей частью для приморской традиции являются приуроченные к послепасхальному периоду ритуальные хороводы (как круговые, так и «шестивия»). Подавляющее большинство весенних хороводов в сводной белорусской коллекции записано в Приморье (ДВ-КШ/58–111).

В дальневосточной традиции *не зафиксированы обрядовые пасхальные обходы и волочебные песни*. Ритуальная составляющая Троицы *значительно усечена* по сравнению с таковой в других очагах расселения белорусов (например, нет сведений о завивании девушками венков, кумлени, завивании березы); специальных троичских песен в данной традиции нет, записаны две грязные песни, а также ряд быличек о русалках и другой нечистой силе [Там же, с. 91–92] (ДВ-КШ/112, 113). *Описания купальских обрядов свидетельствуют об их полноте и развитости, однако соответствующих им песен зафиксировано всего три* [Там же, с. 92–94] (ДВ-КШ/114–116). Свойственные периоду жатвы обрядовые действия отражены в записях собирателей достаточно полно, записаны обрядовые жнивные песни, а также ряд приуроченных к жниву лирических песен [Там же, с. 94] (ДВ-КШ/117–137).

От белорусов, проживающих в **Красноярском крае**, записаны обряды и песни всего годового цикла, в этой субрегиональной традиции также наблюдаются свои особенности. Зимний обрядово-песенный цикл представлен в полном виде (Кр-ПК/69, 73, 74, 76–79, 80, 101, и др.). Сведения о масленичных обрядах свидетельствуют об их развитости и сохранности вплоть до настоящего времени, записан ряд масленичных песен (Кр-ШРБ/с.28, с.29, с.30, с.33, с.34; Кр.-СВЖ/с.13–14, и др.). Входящие в календарный цикл белорусов-переселенцев ритуальные практики ранневесеннего периода, связанные с заклинанием весны, зафиксированы и в Красноярском крае. Здесь записаны песни обрядовых жанров – благовещенские и веснянки (Кр-11/2, 20, 21; Кр-СкСР/28, 31; Кр-СВЖ/с.18–19, Кр-17/9, и др.), а также образец приуроченного к сезону хоровода (Кр-ШРБ/с.40).

В рассматриваемой переселенческой традиции зафиксированы сведения о пасхальных ритуалах и обычаях, в том числе о поздравительных обходах дворов, *и большое, по сравнению с другими субрегиональными традициями, количество сопровождающих их волочебных песен* (Кр-11/22–24; Кр-СВЖ/с.19–20; Кр-ШРБ/с.42, с.43, с.47, с.48–49, и др.). Обрядовые практики *троицкой и русальной недели* представлены в большом разнообразии

и, наряду с белорусскими, включают ритуальные действия, свойственные смоленской календарной традиции (например, связанные с бабушкой-«купорезницей») [ШРБ, 2007, с. 53, 56]. Обрядовых троичко-русальных песен в красноярском субрегионе записано больше, чем в других местах расселения белорусов (Кр-ШРБ/с.53, с.54-1, с.54-2, с.55-1–3, с.56-1–3, и др.). Более того, значительная часть песенных образцов также относится к смоленской традиции, о чем свидетельствуют особенности их вербального и музыкального текстов (Кр-ШРБ/с.52, и др.).

Купальско-петровский обрядовый комплекс представлен в субрегионе в полном виде, зафиксировано значительное число песенных образцов (Кр-ШРБ/с.60-2, с.61, с.66-2, с.67, с.68-1; Кр-СВЖ/с.23, и др.). Период позднего лета и осени характеризуется описаниями полевых жатвенных работ и связанных с ними ритуальных практик; обрядовые песни этого периода представлены в жанровом разнообразии – жнивные, обжиночные, бородная, а также несколько образцов довольно редких осенних (Кр-ШРБ/с.81-2, с.85-1, с.81-1, с.86-2, с.88, с.78-1; Кр-БЕ/23, и др.).

Фольклорно-этнографический годовой календарный цикл белорусов-переселенцев, проживающих в **Новосибирской области**, содержит обряды и песни зимнего, весеннего и летне-осеннего сезонов. Зимний сезон включает все характерные для переселенческих белорусских традиций обрядовые действия и песенные жанры, в том числе песни «вождения козы» (Нск-20/202, 50, 195, 204, 27, 28, 203, 204; Нск-ХБМ/39, и др.). В новосибирском субрегионе развита и хорошо сохраняется масленичная обрядность, записано несколько масленичных песен (например, Нск-МФ/17, Нск-20-91). В локальной черниговской традиции с. Прямского Маслянинского района зафиксированы описания обряда «вязать колóду / áлы бáнты» парням, не вступившим в брак в уходящий период свадеб, а также обычай «кусать колотú», не записанный в других местах расселения белорусов⁵. Ритуальные практики ранневесеннего периода находятся в общем русле традиции белорусов-переселенцев; в новосибирском субрегионе записаны

⁵ См.: Дайнеко Т. В., Мартынова Т. Ю. Календарные обряды, песни и хороводы черниговских переселенцев из села Прямское Маслянинского района Новосибирской области [Электронный ресурс] // Культура.РФ: Нематериальное культурное наследие: Традиции. URL: <https://www.culture.ru/objects/519/kalendarnye-obryady-pesni-i-khorovody-chernigovskikh-pereselencev-iz-sela-pryamskoe-maslyaninskogo-raiona-novosibirskoi-oblasti>

и обрядовые песни основных ранневесенних жанров (благовещенские и за-
ключки) (Нск-Урс/4, Нск-20/217, Нск-22/7, и др.).

Пасхальная обрядность хорошо развита во всех локальных очагах рас-
селения белорусов в субрегионе, зафиксированы и обрядовые обходы
с пением поздравительных волочебных песен (Нск-ХБМ/62, 60-63). Ло-
кальная традиция с. Прямого отличается наличием развитого (особен-
но для отдельного белорусского очага) цикла хороводов, начало вождения
которых приурочено к Радонице [Дайнеко, 2015]. В целом для данной ло-
кальной традиции радоницкий обрядово-песенный цикл является домини-
рующим. Отдельные образцы ритуальных весенних хороводов записаны
от белорусов, проживающих и в других сёлах Новосибирской области.

Обрядовые компоненты троицкой и русальной недель сохранились луч-
ше, чем сопровождающие их песенные образцы (например, Нск-22/16).
Летний период характеризуется наличием купальско-петровской обрядо-
сти в основных ее проявлениях, записаны и песни обрядовых жанров (ку-
пальские, петровские) (например, Нск-ХБМ/121(31)). Период позднего
лета и осени представлен описаниями ритуальных практик, связанных
с жатвой, а также песнями обрядовых жанров и приуроченными к трудо-
вым процессам этого времени года (Нск-22/5, 12; Нск-20/71, 80, и др.).

Приведенный краткий обзор по субрегионам показывает, что годовой
календарный цикл белорусов-переселенцев включает как стабильные фольк-
лорно-этнографические комплексы, так и мобильные. Стабильные при-
мерно одинаково развиты во всех четырех изучаемых субрегиональных
традициях, и в них соотношение «обряд – песенные жанры» не имеет пе-
ревесов в ту или иную сторону. Мобильные же могут наличествовать /
отсутствовать в разных субрегиональных традициях либо иметь разный
вес в их обрядово-жанровых системах, соотношение обрядов и песен
в таких комплексах, как правило, неравнозначно. Кроме того, существует
совсем небольшое количество уникальных элементов, которые выделяют
какую-либо традицию из ряда других.

Стабильные элементы составляют ось годового круга, соединяющую
его ключевые точки. Так, достаточной полнотой и сохранностью отлича-
ется ядро зимнего календарного цикла – основные обрядовые явления
и песенные жанры равнозначно присутствуют во всех четырех переселен-
ческих традициях. Яркое отличие имеет лишь омский субрегион, в кото-
ром, в дополнение к существующим во всех остальных традициях ритуа-
лам и обрядовым песням, представлен еще и уникат – святочная обрядовая
игра «женитьба Терешки». Вторая точка оси – стабильная составляющая

третьего календарного сезона – это присутствующий во всех субрегиональных традициях жнивный обрядово-трудовой комплекс с относящимися к нему песенными жанрами, включая обрядовые и приуроченные к сезону.

Во всех субрегиональных традициях при небольшом количестве масленичных песен отмечена хорошая сохранность соответствующих обрядов и обычаев, в достаточном их многообразии. И это неудивительно для Сибири, где переход от зимы к весне, который и знаменует Масленица, является особенно важным. В Сибири масленичные обряды очень развиты даже у русских старожилов, что позволяет предположить и взаимовлияние традиций. Такой же дисбаланс между обрядовой и песенной составляющей отмечается в троичском фольклорно-этнографическом комплексе. Это может быть связано в первую очередь с тем, что Троица и в метрополической белорусской традиции не имеет столь большого значения, как другой летний праздник – день Ивана Купалы; количество песенных образцов прямо пропорционально значимости праздничного комплекса. При отмеченной общей тенденции, значение Троицы и соотношение в этом комплексе песен и обрядов несколько разнятся в сибирских белорусских традициях. Как было показано, наибольшей развитостью в Троице как обрядового, так и песенного компонентов отличается красноярская субрегиональная традиция, что, вероятнее всего, связано с присутствием в ней смоленского компонента. Зафиксированная в омской и новосибирской белорусских традициях достаточная полнота троичских обрядов тоже, скорее всего, обусловлена тем, что на данных территориях белорусы часто проживали в полиэтнических поселениях, а это практически неизбежно приводило к влиянию русской календарной традиции⁶.

Каковы бы ни были причины, следует констатировать, что в ряде календарных комплексов этнографические компоненты зафиксированы луч-

⁶ Так, Т. Г. Леонова констатирует, что «...именно в народном календаре... наблюдается смешение и активное взаимодействие национальных традиций, а календарно-обрядовые песни независимо от их национальной принадлежности воспринимаются населением как общие для всех» [ФЗС, 1974, с. 4], в отличие от свадебных обрядов и песен, которые сохраняли этническое своеобразие и практически не были подвержены влиянию даже «соседней» по селу традиции. На этом основании Т. Г. Леонова при публикации экспедиционных материалов Омской области в сборнике «Фольклор Западной Сибири» размещает материалы по календарному фольклору белорусов и русских в одном разделе [Там же, с. 8–47], а по свадебному обряду – автономно, по этносам.

ше, чем песенные, и по настоящее время они продолжают жить, поскольку сохраняются основные обрядовые коды – темпоральный, персональный, акциональный, реальный (предметный) и некоторые другие. Для носителей традиции каждый праздник ассоциируется прежде всего с ритуалами, а не с песнями. В памяти жителей поселения хорошо закрепляется, что в нужный день или период года нужно совершить заранее всем известные действия, – как правило, не связанные с повседневностью, зачастую предполагающие участие определенной половозрастной группы, включающие некие предметы, и т. д. Жанры сохраняющихся в традиции обрядовых песен зачастую обозначаются исполнителями именно с помощью описания ритуальных действий, например: «и песни такие ж самы... как вянки завивать» (с. Колбаса Кыштовского района Новосибирской области) [Дайнеко, 2016, с. 68]. С течением времени магическая функция ритуальных действий размывалась. В некоторой степени существование обрядов в виде игры и массового развлечения стало поддерживаться учреждениями культуры и досуга (клубами, домами культуры), что привело к окончательной десакрализации обрядовых явлений.

Дальневосточная субрегиональная традиция черниговских переселенцев стоит несколько особняком. Даже в стабильном зимнем фольклорно-этнографическом цикле содержится отличающая ее черта – развитое святочное ряжение. Другие особенности более значительны: лакуны в троичном ритуальном комплексе и полное отсутствие волочебного обряда – как следствие, нет и соответствующих им песен. Записанный в полном виде купальский обрядовый комплекс – и скудное число относящихся к нему песенных образцов. В то же время зафиксирована явная жанровая доминанта поздневесеннего сезона – ритуальные хороводы. Всё перечисленное можно объяснить тем, что данная переселенческая традиция моноэтнична, что в Сибири встречается достаточно редко (и, как правило, в пределах одного поселения). Эту субрегиональную традицию основали переселенцы из Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии – территорий, которые относятся к гомельско-брянско-черниговскому региону (ГБЧ-региону – термин В. И. Елатова – особой территории, где пересекаются ареалы расселения трех восточнославянских народов: белорусов, русских и украинцев). Учитывая моноэтничность данной субрегиональной традиции, нетрудно объяснить все указанные выше особенности, поскольку они полностью коррелируют с жанровым составом песенного репертуара ГБЧ-региона, который приводит в своем исследовании В. И. Елатов [1977, с. 19–21, 25]. Особенности дальневосточной тра-

диции подтверждаются и сведениями о локальной традиции с. Пряmsкое Маслянинского района Новосибирской области, носители которой также являются потомками черниговских переселенцев (см. об этом: [Дайнеко, 2015]).

Собственно сибирские субрегиональные традиции – омская, новосибирская, красноярская – относятся к смешанным. Поскольку их носителями являются переселенцы из *разных* белорусских и западнорусских районов, лакуны в календарных фольклорно-этнографических комплексах (хотя они и существуют) не слишком заметны и не столь закономерны – происходит как бы усреднение состава и обрядов, и песенных жанров привнесенными из разных исходных территорий элементами. В указанных субрегионах белорусы в период активного переселения в Сибирь как основывали «свои» моноэтнические сёла, так и оказывались в полиэтнических поселениях. Первые могли создаваться выходцами из одной местности Белоруссии либо из разных ее районов. Во втором случае тоже были возможны варианты: либо белорусы приезжали в уже существующие сёла, где проживали другие восточнославянские народы – русские и / или украинцы, либо позднепоселенцы – представители этих этносов (двух или трех) образовывали новые сёла и деревни⁷. Даже если поселение было моноэтническим, с жителями – выходцами из одного исходного района, культурные контакты с представителями других фольклорных традиций были очень тесными: белорусы ходили в соседние деревни на вечерки, посещали съезжие праздники в других селениях и т. д. На пестроту исходных белорусских традиций (витебских, моголевских, полоцких, минских и т. д.) накладывалось влияние фольклора русских (в том числе западнорусских переселенцев, которые шли в Сибирь в то же время, что и белорусы) и украинцев. В силу этого на уровне состава обрядов и песенных жанров определить достоверно принадлежность того или иного записанного от сибирских белорусов материала к какой-либо конкретной региональной или локальной традиции метрополии сложно: смешанность материалов затрудняет их интерпретацию. Записанные в омской, новосибирской и красноярской субрегиональных традициях сведения об обрядах и песенные образцы представляют собой несколько «выровненную», именно сум-

⁷ М. Н. Мельников выделяет 15 основных типов поселений восточных славян Сибири; эта классификация неоднократно опубликована, см., например: [Мельников, 1980].

марную коллекцию календарного белорусского фольклора сибирского бытования.

Возвращаясь к суммарной коллекции календарных обрядов и песен белорусов-переселенцев, еще раз отметим, что в каждой из трех сибирских субрегиональных традиций представлены все фольклорно-этнографические комплексы. Внутри смешанной новосибирской традиции существует, как было показано, локальная традиция черниговских переселенцев с. Прямского Маслянинского района с присущими ей характерными чертами. В омской и красноярской субрегиональных традициях богато представлен купальско-петровский фольклорно-этнографический цикл – это касается как этнографического компонента, так и песенного. В красноярской традиции записано самое большое, по сравнению с другими сибирскими белорусскими очагами, количество волочечных песен; при этом зафиксированные этнографические сведения значительно уступают песенному компоненту по объему.

Список литературы

Дайнеко Т. В. Радоницкие хороводы черниговских переселенцев села Прямское Маслянинского района Новосибирской области // Народная культура Сибири: Материалы XXIII Науч.-практ. семинара Сиб. регион. вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова; Омск. гос. пед. ун-т. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. С. 197–204.

Дайнеко Т. В. Фольклорные традиции села Колбаса: основные вехи народного календаря (по воспоминаниям Евы Ивановны Павлюковой) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (вып. 31). С. 63–70.

Дайнеко Т. В., Леонова Н. В. Календарный цикл в белорусских традициях сибирского бытования: источники изучения, состав обрядов // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 5–17.

Елатов В. И. Песни восточнославянской общности / Ред. Г. И. Цитович; АН БССР. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. Минск: Наука и техника, 1977. 248 с. с нот.

Звягина С. А. Белорусские купальские песни в Сибири: Диплом. работа / Науч. рук. Н. В. Леонова. Рукопись. Новосибирск, 1997. 68 с.

КШ – *Семёнова И. В., Семёнов О. В.* Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. 125 с.

Мельников М. Н. Опыт культурной типологии поселений восточных славян в Сибири в связи с изучением фольклора // Сибирский фольклор. Новосибирск, 1980. С. 3–14.

Мясникова С. А. «Волочebнички волочились...» – волочebные песни белорусских переселенцев Омского Прииртышья // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 13–22.

Мясникова С. А. Белорусские святочные и волочebные песни, зафиксированные в Омском Прииртышье. Вопросы соотнесения с исходной традицией: Дис. ... канд. филол. наук. Рукопись. Омск, 2019. 421 с.

ФЗС – Фольклор Западной Сибири / Сб. сост. Т. Г. Леоновой по материалам фольклорных экспедиций ОмГПИ им. А. М. Горького. Омск: Изд-во ОмГПИ, 1974. Вып. 1. 116 с.

ШРБ – Шульпеков Н. «Расскажи ты, бабка...»: Календарный обрядовый фольклор Красноярского края. Красноярск: КаСС, 2007. 96 с.

Список источников песенных образцов

БЕ – Любимые песни красноярского ансамбля «Берегиня» (методическое пособие для руководителей фольклорных коллективов) / Сост. З. В. Ендржеевская. Железногорск: Диамант, 2017. 128 с., ноты, фото.

КШ – Семёнова И. В., Семёнов О. В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. 125 с.

МФ – Масленка. Обычаи, обряды, фольклор восточнославянских народов в Новосибирской области / Отв. ред. Е. Ф. Фурсова. Новосибирск: Книжица, 2004. 92 с.

ПК – Пришла Коляда накануне Рождества / Сост. Н. А. Новоселова, С. В. Соколова. Красноярск: Кн. изд-во, 1995. 256 с.

РП – Русский народный праздник: Науч.-метод. пособие для работников культуры и образования / Отв. ред. М. А. Жигунова, Н. А. Томилова. Омск: Наука, 2005. 284 с.

СВЖ – Скопцов К. М. Ты воспой, жаворонушек: Народные песни, игры, потешки, записанные в Красноярском крае. Репертуарный сборник для детских фольклорных коллективов. Красноярск: КаСС, 2002. 92 с.

СкСР – Скопцов К. М. На серебряной реке: Народные песни Бирилюсского района. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. аграр. ун-та, 2001. 80 с.

Урс – Фольклор Мошковского района: Мошково, Западный, Барлак, Новомошковское, Ташара / Сост. Н. А. Урсегова. Новосибирск: Изд-во

Новосиб. обл. колледжа культуры и искусств, 2006. 132 с., ноты, CD-диск. (Фольклорная карта Новосибирской области; Вып. 1).

ХБМ – Хрестоматия сибирской русской народной песни. Детский народный календарь / Сост. В. И. Байтуганов, Т. Ю. Мартынова. Новосибирск: Книжица, 2001. 120 с.

ШРБ – Шульпеков Н. «Расскажи ты, бабка...»: Календарный обрядовый фольклор Красноярского края. Красноярск: КаСС, 2007. 96 с.

References

Dayneko T. V. Fol'klornye traditsii sela Kolbasa: osnovnye vekhi narodnogo kalendarya (po vospominaniyam Evy Ivanovny Pavlyu-kovoy) [Folk traditions of the village of Kolbasa: folk calendar major stages (according to Eva Ivanovna Pavlyukova's memories)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2016, no. 2 (31), pp. 63–70. (in Russ.)

Dayneko T. V. Radonitskie khorovody chernigovskikh pereselentsev sela Pryamskoe Maslyaninskogo rayona Novosibirskoy oblasti [Radonitsky roundelays of chernigovsky migrants of Pryamskoye village of Maslyaninsky district of the Novosibirsk region]. In: Leonova T. G. (ed.). *Narodnaya kul'tura Sibiri* [Folklife culture of Siberia]. The materials of the 23 research and practice seminar of Siberian Regional Institutional Center of folklore. Omsk, OmSPU Press, 2015, pp. 197–204. (in Russ.)

Dayneko T. V., Leonova N. V. Kalendarnyy tsikl v belorusskikh traditsiyakh sibirskogo bytovaniya: istochniki izucheniya, sostav obryadov [The calendar cycle in the Byelorussian traditions of Siberian existence: the sources for the study, the ritual complexes]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2017, no. 4, pp. 5–17. (in Russ.)

Elatov V. I. Pesni vostochnoslavyanskoy obshchnosti [Songs of the East Slavic community]. G. I. Tsitovich (ed.); AN BSSR. In-t iskusstvovedeniya, etnografii i fol'klora. Minsk, Nauka i tekhnika, 1977, 248 p. (in Russ.)

Leonova T. G. (comp.). Fol'klor Zapadnoy Sibiri [Folklore of Western Siberia]. Omsk, 1974, iss. 1, 116 p. (in Russ.)

Melnikov M. N. Opyt kul'turnoy tipologii poseleniy vostochnykh slavyan v Sibiri v svyazi s izucheniem fol'klora [Experience of the cultural typology of the settlements of the Eastern Slavs in Siberia in connection with the study of folklore]. In: *Sibirskiy fol'klor* [Siberian folklore]. Novosibirsk, 1980, pp. 3–14. (in Russ.)

Myasnikova S. A. “Volochebnichki volochilisa...” – volochebnye pesni belorusskikh pereselentsev Omskogo Priirtysh’ya [“The valicenti trailed...” – volochine songs of the Omsk Irtysh region Belarusians]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2017, no. 1, pp. 13–22. (in Russ.)

Myasnikova S. A. Belorusskie svyatochnye i volochebnye pesni, zafiksirovannyye v Omskom Priirtysh’e. Voprosy sootneseniya s iskhodnoy traditsiey [Belarusian Christmas and volochine songs recorded in the Omsk Irtysh region. Questions of correlation with the original tradition]. Cand. Philol. Sci. Diss. Manuscript. Omsk, 2019, 421 p. (in Russ.)

Semenova I. V., Semenov O. V. Karagod shirokiy: Kalendarno-obryadovyye pesni pereselentsev Surazhskogo, Novozybkovskogo, Starodubskogo uezdov Chernigovskoy gubernii v Primor’e [Wide Karagod: Calendar-ritual songs by settlers from Surazhsky, Novozybkovsky, Starodubtzevsky Counties of the Chernigov province in Primorye]. Vladivostok, 2003, 125 p. (in Russ.)

Shulpekov N. “Rasskazhi ty, babka...”: Kalendarnyy obryadovyy fol’klor Krasnoyarskogo kraya [“Tell me, grandmother...”: Calendar ritual folklore of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk, KaSS, 2007, 96 p. (in Russ.)

Zvyagina S. A. Belorusskie kupal’skie pesni v Sibiri [Belarusian Kupala songs in Siberia]: Diplomnaya rabota. N. V. Leonova (scientific supervisor). Manuscript. Novosibirsk, 1997, 68 p. (in Russ.)

List of Sources of Song Samples

Baytuganov V. I., Martynova T. Yu. (comps). Khrestomatiya sibirskoy russkoy narodnoy pesni. Detskiy narodnyy kalendar’ [Anthology of Siberian Russian folk songs. Children’s folk calendar]. Novosibirsk, Knizhitsa, 2001, 120 p. (in Russ.)

Endrzhhevskaya Z. V. (comp.). Lyubimye pesni krasnoyarskogo ansamblya “Bereginya” (metodicheskoe posobie dlya rukovoditeley fol’klornykh kolektivov) [Favorite songs of the Krasnoyarsk ensemble “Bereginya” (methodical guide for the heads of folklore groups)]. Zheleznogorsk, Diamant, 2017, 128 p. (in Russ.)

Fursova E. F. (ed.). Maslenka. Obychai, obryady, fol’klor vostochnoslavianskikh narodov v Novosibirskoy oblasti [Maslenka. Customs, rituals, folklore of the East Slavic peoples in the Novosibirsk region]. Novosibirsk, Knizhitsa, 2004, 92 p. (in Russ.)

Novoselova N. A., Sokolova S. V. (comps). Prishla Kolyada nakanune Rozhdestva [Kolyada has come on the eve of Christmas]. Krasnoyarsk, 1995, 256 p. (in Russ.)

Semenova I. V., Semenov O. V. Karagod shirokiy: Kalendarno-obryadovye pesni pereselentsev Surazhskogo, Novozybkovskogo, Starodubskogo uezdov Chernigovskoy gubernii v Primor'e [Wide Karagod: Calendar-ritual songs by settlers from Surazhsky, Novozybkovsky, Starodubtzevsky Counties of the Chernigov province in Primorye]. Vladivostok, 2003, 125 p. (in Russ.)

Shulpekov N. "Rasskazhi ty, babka...": Kalendarnyy obryadovyy fol'klor Krasnoyarskogo kraya ["Tell me, grandmother ...": Calendar ritual folklore of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk, KaSS, 2007, 96 p. (in Russ.)

Skoptsov K. M. Na serebryanoy reke: Narodnye pesni Birilyusskogo rayona [On the Silver River: Folk Songs of the Birilyussky District]. Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyar. gos. agrar. un-ta, 2001. 80 p. (in Russ.)

Skoptsov K. M. Ty vospoy, zhavoronushek: Narodnye pesni, igry, poteshki, zapisannye v Krasnoyarskom krae: Repertuarnyy sbornik dlya detskikh fol'klornykh kolektivov [You sing, larks: Folk songs, games, jokes, recorded in the Krasnoyarsk Territory: Repertory collection for children's folk groups]. Krasnoyarsk, KaSS, 2002, 92 p. (in Russ.)

Ursegova N. A. Fol'klor Moshkovskogo rayona: Moshkovo, Zapadnyy, Barlak, Novomoshkovskoe, Tashara [Folklore of the Moshkovsky District: Moshkovo, Zapadnyy, Barlak, Novomoshkovskoe, Tashara]. Novosibirsk, Izd-vo Novosib. obl. kolledzha kul'tury i iskusstv, 2006, 132 p. (Fol'klornaya karta Novosibirskoy oblasti [Folklore map of the Novosibirsk region]; iss. 1). (in Russ.)

Zhigunova M. A., Tomilova N. A. (eds). Russkiy narodnyy prazdnik [Russian national holiday]. A scientific and methodical guide for worker of culture and education. Omsk, Nauka, 2005, 284 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Владимировна Дайнеко, кандидат искусствоведения

WoS Researcher ID AAQ-9955-2020

RSCI Author ID 668641

Information about the Author

Tatyana V. Dayneko, Candidate of Sciences (Arts History)
WoS Researcher ID AAQ-9955-2020
RSCI Author ID 668641

*Статья поступила в редакцию 19.08.2022;
одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 15.09.2022
The article was submitted 19.08.2022;
approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 15.09.2022*